

Новая газ. - 2000 - 17-23 апр. (№ 15) - 122

— Я не буду оригинальна с первым вопросом: как вы могли совсем не измениться?

— Ой, да ладно, это я в очках. (Приподнимает солнечные очки.) Спасибо за комплимент. Конечно, очень приятно. Но я не задумывалась никогда об этом. Я живу как живу. Может быть, потому что у меня никогда не было такой работы — от звонка до звонка. Наверное, это утомляет: с девяти до шести каждый день. Конечно, бывает, как сейчас в «Маросейке», когда мы работаем по двенадцать часов в съемочный день. Но это ж в радость. У нас профессия, слава Богу, такая, которая в радость. К тому же эти периоды длятся не так уж долго: десять, ну пятнадцать дней. Потом все равно перерыв.

А вообще я человек ну не то, чтобы нервный, а такой деятельный. Поэтому у меня перерывов не бывает — знаете, сидеть, о чем-то мечтать... Семья большая. Обязательно какие-то дела найдутся.

— Сколько часов вы спите? — Где-то вычитала, что для женщины главное — выспаться и не вставать по будильнику. Как страшный сон вспоминаю, когда дети были маленькие и их надо было водить в школу. Вот это было тяжело. Сейчас это опять начнется: у нас младшая подрастает и в этом году пойдет в школу. И, конечно, я с ужасом думаю, что надо будет рано утром вставать.

— А старших детей нельзя привлечь на помощь?

— Да нет, конечно. Одна — в Америке. Другая отдельно живет. Они уже настолько самостоятельные и взрослые, у них совсем своя жизнь.

— Сейчас вы снимаетесь в телевизионном сериале «Маросейка». Расскажите, пожалуйста, об этой работе.

— Вот мы сейчас находимся как раз в интересе нашего офиса. Здесь располагается наша команда — команда быстрого реагирования. Мы провели тут довольно много времени. Снято уже четыре серии.

Очень хорошая команда, я имею в виду съемочную группу. Прежде всего — наши продюсеры: Сергей Белошников, с которым мы знакомы с «Бедной Саши» (он написал сценарий), и Юра Сапронов. Они так увлечены все это организуют и делают. Мне очень нравятся декорации. Вид из окна — панорама Москвы. И это работает в картине.

Ну и, конечно, партнеры. Просто удовольствие одно с ними общаться. Не только в кадре, но и за кадром. Это Саша Балув, Дима Харатьян, Володя Еремин, Саша Самойленко, Влад Галкин...

— И как единственная женщина в этой мужской компании себя чувствует — хорошо?

— А то! (Смеется.) Я рассказываю на всех пресс-конференциях, что сначала это была история, в которой должны

были действовать в кадре шестеро мужчин. Но Сережа Белошников по дружбе сказал: «Вера, я думаю, все-таки шестеро мужчин — это скучно» — и решил из мужского персонажа сделать женский. Был Калинин — стала Калининна.

— Вам приходится по сюжету стрелять, бегать, выполнять какие-то трюки?

помнились. Я не могу сказать: чтобы полюбили. Налоговая полиция любви у граждан не может вызывать. Другое дело — «Улицы разбитых фонарей» или «Убойная сила». Там истории, всем понятные. Добро борется со злом. Зло очевидное и добро очевидное. Там абсолютная поддержка героев. У нас же довольно сложный в этом отно-

Вообще людям сейчас тяжело. Мне письма пишут. Они приходят на Союз кинематографистов, на гильдию. Такие жуткие истории. Не думаю, что это истории придуманные. Если раньше писали благодарности за картины или спрашивали, как поступить во ВГИК, то сейчас пишут в основном пожилые люди и просят помо-

— У вас наверняка в жизни был период, когда было действительно тяжело...

— Эти периоды были недолгими — год-два. Когда у меня был самый тяжелый период, занялась работой. Режиссурой. И меня это целиком поглотило. Нужно было все контролировать, уже не было времени для своих личных пережива-

дух 60-х присутствует в этой книге. Я вообще очень люблю мемуарную литературу. И конечно же если бы не писали, например, Ходасевич, Берберова, Белый, Кузмин свои мемуары, мы бы мало что знали о той эпохе, о ее людях.

Мне звонили несколько раз из какого-то издательства: не хотите ли написать книгу? Нет, говорю. Во-первых, я еще не созрела для этого. И вообще думаю, что это не каждому дано. Они в ответ: это же не проблема. Самое главное — надиктовать, а за вас уже редакторы все сделают. Но это — тоже не дело...

— Любимые «ваши» фильмы?

— «На край света» — это первая картина. Потом «В четверг и больше никогда». Это Анатолий Васильевич Эфрос, встреча с которым, конечно, — очень важное событие в моей жизни. «Торпедоносцы» — это Семен Аранович, который тоже во многом повлиял на меня в профессии. Была еще такая странная картина. Называлась она «О тебе».

— Я ее хорошо помню. Это где вы поете.

— Знаете, ее многие, оказывается, помнят. Потому что она необычная — не мюзикл, не опера, какая-то странная. Она не зря все-таки получила в Монте-Карло «Золотую ветвь». За оригинальность идеи.

Также очень дорога картина «Сошедшие с небес» Натальи Трошенко.

Из последних работ — «Бедная Саша». Я надеюсь, будет продолжение.

— У вас есть своя жизненная философия?

— Нет какой-то особой философии. Есть только одно. Я живу сегодняшним днем. Я не очень люблю возвращаться в прошлое. Какое бы оно ни было, даже если счастливое. Я не живу будущим. То есть ничего особо не планирую.

А вот в настоящем я конечно же пытаюсь что-то сделать. Какие-то вещи происходят случайно — удачные стечением обстоятельств. А какие-то вещи делаю сама.

Например, спектакль «Русская рулетка», премьера которого состоялась в марте прошлого года. Виталий Павлов дал мне посмотреть свою пьесу. Мне она понравилась. И все остальное, вся организационная часть была сделана мною. Вместе с Виталием Павловым. Если бы я не приложила усилий, может, спектакль и не состоялся бы.

— А до этого работы у вас были в театре?

— Да. Два года назад я пришла на Леониду Трушкину в Театр Антона Чехова. На спектакль «Поза эмигранта». Я там играю дубль с Женей Симоновой. Мне очень нравится этот спектакль.

— Можно сказать, что вы из тех, кто старается радоваться тому, что есть?

— Да. Мне действительно в радость репетировать, играть. Хотя «Русская рулетка» — очень тяжелый спектакль. Мы с Игорем Бочкиным вдвоем на сцене почти два часа. Два совершенно незнакомых человека на глазах зрителя становятся близкими людьми. И все это с какими-то безумными эмоциями, страданиями. И с героиней неясно — то ли умирает, то ли остается на какой-то грани. И эту грань надо сыграть. Тяжеловато.

Хочется что-то сделать, конечно. Но опять же нет такого: не сделаю — жизнь прожита зря. Получится — замечательно. Не получится — конечно, плохо, но будет что-то другое.

С Верой Глаголевой мы встретились на съемочной площадке телевизионного сериала «Маросейка». Глядя на нее, забываешь, что со времени «Торпедоносцев», «В четверг и больше никогда» прошло много лет и вообще мы живем в другой эпохе и дети уже взрослые... Потому что передо мной практически та же девочка, которую впервые мы увидели в фильме Родиона Нахапетова «На край света». Только еще более хрупкая, чем на экране

Вера ГЛАГОЛЕВА:

НАШЕ ПОКОЛЕНИЕ ЕЩЕ БЫЛО ВОСТРЕБОВАНО

— Да, конечно, мы бегаем. Самое смешное, что я уже вычитываю где-то, что вот Глаголева так лихо расправляется с огромным амбалом. Он не огромный амбал, а обычный такой кабан. Ничего особенного. Я бы и в жизни точно так же с таким могла справиться, если бы мне грозила опасность.

Я считаю, что картина снята очень хорошо. Она может конкурировать с другими фильмами этого жанра. Конечно, не с американскими супербоевиками. Это все-таки телевизионная картина. Да мы и сами из этого ничего не раздуваем: мол, мы сделали шедевр. Хотелось бы, конечно, чтобы она отличалась от этого множества сериалов — милицейских, полицейских и всех остальных, чтобы герои за а-

шении сериал. Надо сделать так, чтобы людей налоговая полиция не очень раздражала. Поэтому в сюжете используются дела, связанные с явно нечестными деньгами. Например, история с казино как раз вышла на кассетах сейчас. Говорят, что покупают и смотрят.

— Вера, у меня все время такое ощущение, когда я вижу ваши работы или читаю о вас, что вы чем-то другим в жизни занимаетесь, а актерство — это как бы попутно. Вы все-таки отличаетесь от многих, скажем так, профессиональных актеров. Хотя, бесспорно, вы — профессионал.

— Я действительно человек, отдельно стоящий, и воспринимаю все это не как свою профессию, единожды выбранную. Для меня не так важно, имею ли я звание, призы на фестивалях. Я просто работаю в свое удовольствие. Я могу выбирать картины, сценарии, пьесы даже, потому что за мной не стоит ватага голодных детей. Я, слава Богу, человек обеспеченный. Не очень люблю об этом говорить. Сейчас многим трудно. И многие вынуждены работать везде. В рекламе ведь не от хорошей жизни снимаются.

Страна зашла в тупик. И, конечно, хочется, чтобы это быстрее закончилось. Чтобы не прошло еще двадцать лет вот так. Я не представляю, как люди выдерживают. Учителя, например, которые по четыре месяца не получают зарплату.

— Что касается актеров, наверное, в рекламе они снимаются еще и ради популярности?

— Я про популярность вообще не говорю. Сейчас популярность в кино не очень реальна. Нет большого проката. Есть хорошие молодые актеры, которые, к сожалению, пробиться к зрителю не могут. Раньше каждый фильм был событием. Нам просто повезло, наше поколение еще было востребовано.

Конечно, поколение Ларионовой, Рыбникова — это были боги просто. А сейчас молодежь уже вообще практически не смотрит наше кино. Я знаю по своим девочкам. Они каждый день могут приносить видеокассеты и смотрят все самые последние фильмы. Но прежде всего — американские. Даже европейские редко.

Они ходят в кинотеатры, стараются быть в курсе всех кинособытий года. А наше кино — ну как-то так... Например, по телевизору идет какой-то мой любимый фильм, я говорю: «Маша, посмотри. Это моя любимая картина». И она вроде бы нехотя так села, посмотрела. Встала, отошла. А потом вдруг забрало. Не помню, какой именно был фильм. Что-то из пятидесятых-шестидесятых. И я видела: она поняла, что это действительно настоящее кино.

Жалко терять это. Это такое наследство! А у нас утром по всем каналам идут мексиканские сериалы. Ведь можно было поставить наши.

ний. Ну и всегда были друзья, с которыми можно посоветоваться, рассказать какие-то сокровенные вещи.

— Если уж мы эту тему затронули... Нахапетов в своей книге опубликовал ваше письмо, личное. Как вы относитесь к тому, что сейчас очень многие «неписатели» стали писать книги и в них рассказывать об интимных вещах, касающихся других людей?

— Что касается письма, мне было, честно говоря, не очень приятно. Писала я ему одному, а получилось, что прочитали многие. Когда я его перечитала сама (у меня не очень хорошая память вообще, и я даже забыла, что написала это письмо), мне оно понравилось. Оно оказалось довольно правильно написанным, без лишнего эмоций, открытое и точное. Хотя сейчас я даже не понимаю, как у меня хватило сил именно так написать. Я думаю, если бы оно было более интимным, с какими-то просьбами, он его бы не опубликовал. Мне кажется, что в данном случае он хотел сделать лучше для меня.

А что касается откровений... Ох, не знаю, мне кажется, если человек талантливый и неглупый, можно писать все-таки о каких-то других вещах. Не самое главное, сколько у тебя было увлечений. Мне безумно нравится «Актерская книга» Михаила Козакова — и я не первый раз об этом говорю.

— Да. Замечательная книга...

— По мнению многих, это одна из лучших мемуарных, автобиографических книг из тех, что в последнее время выходила. Она написана хорошим языком. Мне было интересно это читать. О том, что его заставило уехать. О том, как он там жил. Как происходило становление «Современника». И

Вера Глаголева с дочками